

РУССКИЕ ПОЭТЫ ИЗРАИЛЯ

**Вячеслав Баширов
Лена Берсон
Игорь Бяльский
Изяслав Винтерман
Семен Гринберг
Вадим Гройсман
Юлия Драбкина
Лорина Дымова
Михаил Дынкин
Гали-Дана Зингер
Семен Крайтман
Юрий Фридман-Сарид
Феликс Чечик
Рафаэль Шустерович**

НОВЫЕ ГОЛОСА

**Евгения Вежлян
Геннадий Каневский
Дмитрий Коломенский
Евгений Никитин**

Журнал «Интерпоэзия» публикует «по горячим следам» подборку русских поэтов Израиля. От патриарха Семена Гринберга и основателя «Иерусалимского журнала» поэта Игоря Бяльского до представителей последней, недавней алии, связавших свою судьбу с судьбой Израиля («Новые голоса»).

В этот страшный, тяжелый период важно услышать голоса поэтов земли Израиля. В этой стране русская алия многие десятилетия является органической частью Святой земли. Большинство служили в армии, многие сделали своим домом, превращенные в сады, части иудейской пустыни, священные холмы Иерусалима, кипящие жизнью набережные Тель-Авива.

Теперь над этим развивающимся, цветущим миром нависла опасность чудовищной, нечеловечной силы, темная разрушительная энергия, которая вдруг, посреди XXI века, поднялась волной от Европы до Ближнего Востока. «Опять войны разногласица На древних плоскогорьях мира, И лопастью пропеллер лоснится, Как кость точеная тапира» (О.М.).

Русский язык с момента основания страны и творчество русскоязычных поэтов стали естественной частью жизни Израиля. У русских поэтов Израиля – своя тема, интонация, нередко и словарь, которые обогащают русскую поэзию и создают новую мощную живую ветвь.

В эти опаснейшие времена наши мысли и сердца – с нашими братьями, коллегами, друзьями.

Пусть читатель убедится в этом сам и услышит своеобразие, разнообразие и богатство голосов поэтов Израиля.

Сразу оговоримся: далеко не все значительные авторы Израиля представлены в этой публикации. Это было невозможно, прежде всего, по временным и техническим причинам.

Данную публикацию можно, и нужно, продолжать по мере того, как израильские авторы будут присылать свои произведения, и по мере развития событий. Формат журнала позволяет создавать подобную живую, текущую ленту откликов.

Особо хочется отметить усилия Лилии Газизовой, которая взяла на себя труд в кратчайшие сроки подготовить эту уникальную подборку.

Андрей Грицман (Нью-Йорк)

Вячеслав Баширов

* * *

всё оттого, что ты из тех широт
где снег метет в лицо, за шиворот
швыряет злобно ледяное крошево
когда, проламываясь сквозь пургу
бежишь, оскальзываясь на бегу
припоминая кой-чего хорошего
из бодуэновского словаря
из декабря летишь, из января
в февральскую метель, с утра и до ночи
слепающую, сводящую с ума
кружащую с темна и до темна
свистящую сквозь тишину разбойничью
когда и в самом солнечном краю
несешь пургу беспутную свою
метущую поземкой неотвязною
красавице туземной расскажи
про смутные метания души
и про глубины духа непролазные
она плечами смуглыми пожмет
всё оттого, что ты из тех широт
где крутит и метет, и тьма кромешная
где тот самолюбивый пешеход
кляня судьбу, в тугую тьму бредет
как будто в тишину идет нездешнюю

* * *

надтреснутое небо протекло
на лобовое брызнуло стекло
нахлынуло прибойною волною
схватило, закрутило, понесло
в слепое половодье грозное
где ни домов не видно, ни дорог
стихия злая, ужас и восторг
безумие в том самом смысле слова
как будто некто без ума исторг
рыдание из черноты громовой
как будто некий спящий демиург
очнулся от беспомыслия и вдруг
затеял в буйном отделении свару
и с перепугу весь небесный круг
низверг в грохочущую ниагару

не бойся, детка, это ерунда
однажды схлынет черная вода
как и любая в жизни чертовщина
и этот вот, распялив невода
нас вытянет из ледяной пучины
и вообще, всё это не всерьез
нет ничего, что стоило бы слез
затянутся расхлябанные хляби
когда упьется повелитель гроз
в своем небесном закемарив пабе
тогда мы уплывем за оком
в укромный средиземный водоем
где, отрастивши плавники и жабры
клянусь, ни разу в жизни не умрем
покуда будем весело и храбро

Вячеслав Баширов родился в Казани. Окончил механико-математический факультет Казанского государственного университета и высшие литературные курсы при Литинституте им. А.М. Горького. Работал в нескольких странах программистом. Автор сборников стихов, изданных в Казани, Москве и Иерусалиме. Живет в Нетании (Израиль).

Лена Берсон

* * *

Ты не подходишь к бездне – она подходит.
«Я подхожу вплотную, и все проходит.
Помнишь, когда мы вместе болели корью,
Как я тебя катала в промозглой скорой?»

Я над тобой склонялась, на шею дула.
Если б не та врачиха со скорой, дура,
Все верещала что-то о кислороде.
Помнишь ее, наверно?»
Да помню вроде.

«Я подходила после к тебе раз двадцать,
Выучилась как следует разверзаться,
Но поглощала робко и неумело,
Мы же росли бок о бок, такое дело.

Я прирастала смертью, своей “сибирью”,
Будет больнее, если тебя любили,
Край мой оплавлен скорбью и состраданьем,
Войлочной коркой стала молитва “дай нам!”.

Все это чушь – про то, чтобы кануть в Лету,
Чтобы Творцу входные вернуть билеты.
Касса давно закрыта, река застыла.
Действуют минобороны и служба тыла.

Если руками стиснем, сожмем тисками,
Держим друг друга, держим и отпускаем.
Бездна к лицу любому (вот это новость!),
Все у нее как надо и даже дно есть.

Больше не можешь? Больше никто не может
Видеть, как свет, слабея, потемки множит,
Нет ни конца, ни счета войскам и ордам».
...Где та врачиха с долбаным кислородом?

* * *

Тане Вольтской

Раскинулось море, как саван,
И с палубы смыло.
Ты видишь, что нас разбросало

Без всякого смысла.

За что мы держаться могли бы,
Могли бы – держались.
Здесь наши могилы, могилы.
И жалость, и жалость.

Что ищете мертвого? Нет тут,
А был бы – не ваш, но
Так страшно, что дети уедут,
Останутся – страшно.
Да бог с ним уже, с пониманьем!
Согреть бы, одеть их;
Был дом там, где мама, где мама.
Стал дом там, где дети.

Дом, взятый без боя, как прежде,
С делами, вещами.
День номер такой-то надежды,
Войны и прощанья.

Лена Берсон родилась в Омске. Окончила журфак Московского государственного университета, в 1991–1996 годах работала соредактором газеты «Шарманичик» при Театре музыки и поэзии Елены Камбуровой. С 1999 года живет в Израиле, редактор новостного сайта. Автор книги стихов «Начальнику тишины» (2022).

Игорь Бяльский

* * *

...свою дорогу. Не смущай других
ни тихим голосом, ни умным взглядом.
Сентябрь их сам одарит звездопадом.
На черный день свечу побереги.

А в эту ночь, когда небесный свет
искрится в звездах и костром искрится,
из вежливости спрошенный совет
не изреки – пора и отшутиться.

Ты прошлым летом здесь уже прошел,
прожил и уложил в рюкзак пожитки.
И анорака парашютный шелк
отцвел под солнцем до последней нитки.

Махрится переносимая ткань
два раза перешитого наряда.
Иди не глядя, ибо как ни глянь,
а свежего не происходит взгляда.

В степную зону ли, на горный зов,
ступай, прощальных лет не умножая.
Куда-нибудь! но прочь от берегов,
где молодость сбывается чужая.

Ах, только бы не сбиться ей... Не тронь
несказанное песнею пропетой.
Спешу, покуда осень спорит с Летой
и звезды не слетелись на огонь.

* * *

Семену Гринбергу

Ночного Вифлеема страж.
А ежели сказать своими
словами, не впадая в раж
в небесном Иерусалиме,

я сторож брату своему.
Он тоже правнук Авраама.
Но – и Агари. Потому
и длится эта мелодрама.

Пока не замирились мы,
не худо б видеться пореже.
Но иудейские холмы,
они для нас одни и те же.

И эта ночь, и эта высь
библейская – они едины.
Не сжиться и не разойтись.
И не переменить картины.

Вот я. В дозорной маете
вышагивающий кругами.
Вот он. В острожной темноте
спешит к своей арабской маме.

И мы встречаемся. Мой брат,
поскольку всяко может статься,
меня приветствует. Мол, рад
приветствовать и улыбаться.

Поскольку я вооружен
и заодно неосторожен,
то он не лезет на рожон
и нож не достает из ножен.

Приветствует. Его иврит,
пожалуй, моего поглаже.
«Приятной стражи!» – говорит,
желая мне приятной стражи.

Игорь Бяльский (1949–2022) – поэт, переводчик, редактор. Родился в Черновцах (Украина). Жил на Украине, в России и Узбекистане. Репатриировался в 1990 году, жил в поселении Текоа. Автор нескольких поэтических сборников. Один из основателей ташкентского клуба самодеятельной песни «Апрель» (1975) и «Иерусалимского журнала» (1999).

Изяслав Винтерман

* * *

*Казалось, мы живем в раю,
а жили на краю...*

Обжигающие глубины.
Унижающие высоты.
Пассажиры второй кабины –
(в первой дети или пилоты) –
уважаемые пассажиры:
сверху ад, снизу крыша мира.
Просветление тех, кто живы,
все увидят через... четыре,
три... ну, да, – ожиданье точно,
окончательно и конечно.
Те, кто хочет остаться вечно,
те, кто выйти хотят досрочно –
видят разное... Буквы мельче,
то светлей, то темнее вещи.
Не навязчив и не изменчив,
но сравнить, по большому, не с чем, –
рай. Кто сравнивают – не могут
не признать, чем оно чревато...
Вот, осталось любви немного,
а казалось, надолго хватит.

* * *

Куда нас тянут эти дни? –
Растянемся и мы за ними.
И небо скудное саднит
гладь неостывшего залива.

И время – мертвое на вид.
Что, пали Будапешт и Прага? –
Нет, отражение знобит,
у зеркала своя здесь правда.

А я не вижу путь иной,
а все другие видят, видят –
как проливается виной,
что переполнено обидой.

* * *

Пьем свою воду пока и едим свой хлеб,
в душу влетают осколки жизни и вязнут.
Что ты сказала? – Не слушал я столько лет.
Что я ответил? – Когда это было важно...

Яства цветные, кругами – и плёбс, и знать,
располагаясь картинно, – гремят посудой.
Жизни разлиты по чашам, и сверху знак
всем подает один из верховных судей.

...Это же наша кухня, где по углам –
тени, а за столом мы – еще не тени –
делим и страх ночной, и свет пополам,
и раздвигаем жизни свои, как стены.

Изяслав Винтерман родился в Киеве. Окончил Киевский государственный университет. Автор более двадцати книг стихотворений и эссе, изданных в России, Украине и Израиле. Многочисленные публикации в СМИ России, Украины, Израиля, США и др. Лауреат нескольких литературных премий. Живет в Иерусалиме.

Семен Гринберг

* * *

Приснилось мне, что мне приснился сон.
Во сне, который первый, настоящий,
Был стол накрыт на несколько персон
И я сидел со всеми наравне,
И вышел, как бы выразиться проще,
И постоял, приблизившись к стене.

И поднял голову. Полночное светило
Посередине купола светило,
Цикады опадали на траву,
Все шевелилось и происходило
Как наяву.

* * *

Картинка с выставки страны южнокорейцев,
Когда везде полно полным
Солдат, детей, разбойников, индейцев,
Посколь день первый праздника Пурим,
Изображала правильный овал
Лица красотки с узкими глазами,
Причем дальневосточными чертами
Кружок мою жену напоминал.
Два тщательно одетых Мордехая
Вели осла, друг другу помогая,
Эстер-царица там была и тут,
На снимке даже более похоже.
Я их смотрел, рассматривал и тоже
Не понимал, куда меня ведут.

Семен Гринберг родился в 1938 году в Одессе. Жил в Москве. Репатриировался в 1990 году. Автор поэтических книг «Разговоры и сонеты» (Иерусалим, 1992), «Иерусалимский автобус» (Иерусалим, 1996), «За столом и на улице» (Иерусалим, 1996), «Разные вещи» (Иерусалим, 1998) и «Стихотворения из двенадцати книжечек» (Москва, 2003). Стихи Гринберга публиковались в литературных журналах и сборниках в Израиле, России, США и Германии. Живет в Иерусалиме.

Вадим Гройсман

* * *

Пену горя стряхивать не буду,
Лучше честно повернусь к добру:
Вытру мебель, вымою посуду,
В кухне и прихожей уберу.

Бас и дискант расстарались, чтобы
Звуки дня до слуха донести.
У наивных жителей трущобы
Всякие эмоции в чести.

Отголоски фарсов и трагедий,
Мелочи, разящие всерьез...
На участке пожилых соседей –
Выставка причудливых колес.

Безразлично, ссоры или ласки
Им соединяют дни в году.
Все, что остается в нашей власти, –
Тихо встать в навязчивом ряду.

Что же, если частности отбросим,
Жизнь моя спокойна и вольна.
Тешат силуэты старых сосен.
Видно горы прямо из окна.

* * *

Толпа непрошенных гостей
Из праха слепленных по мерке
Убили женщин и детей
Угнали в плен страшнее смерти

Кромсали мертвые тела
Как одичавшие собаки
Великий ад твои дела
Передо мной горят во мраке

Я правде огненной служу
И не могу застыть на месте
Весь день по комнате хожу
Перехожу от вести к вести

Проделав безутешный путь

Промучившись и отработав
Всю ночь я не могу уснуть
Под гул военных самолетов

Вадим Гройсман родился в 1963 году в Киеве. Окончил Московский горный институт. С 1990 года живет в Израиле. Изучал русскую литературу и библиотечное дело в Еврейском университете в Иерусалиме. Работал библиотекарем, оператором компьютеров, охранником, почтальоном, ухаживал за детьми с особыми потребностями, преподавал иврит. Автор семи сборников стихов. Победитель конкурса им. Бродского «Критерии свободы» (2014). Стихи Гройсмана публиковались в «Новом журнале», журналах «Крещатик», «Юность», «Новая реальность», «Стороны света».

Юлия Драбкина

* * *

То ли страха не ведая, то ли в неволе у страха,
словно пишет убористо повесть вневременных лет,
этот год палачом, облаченным в сплошную рубаху,
каждый день отряхает кровавые сгустки с манжет.

Эта жизнь представляет собою модель Хиросимы –
смертоносные всюду плывут от нее облака,
оттого ее легкость настолько же невыносима,
что до края дошедшая невыносимость легка.

Эта вечность своим упрощенным земным парафразом
залегает под шторкой налившихся горечью век,
как предчувствие тьмы, как предвестник последнего раза
воскрешенья надежды, которой не сбыться вовек.

И бесстрастное небо царапнув, мелькнув бестолково,
не способный найти производную функции «бы»,
этот миг, воплощенный в твое неуклюжее слово,
застывает, как мушка, в янтарной оправе судьбы.

* * *

А вдруг ты тоже слышишь этот звон?
Ну, вот и мы, привет, Армагеддон.
Так бьется поднебесная посуда,
осколками взрывая города,
и все спешат в слепое никуда
из топкого глухого ниоткуда.
Нет ни границ, ни хоть каких-то врат:
войны, беды, стыда триумвират
несет карету в лапы океана.
На шее обезумевшей земли
глубокие порезы пролегли –
сжимается кольцо меридиана.
Надежда истекает и болит,
засохшими губами шевелит,
как будто извлекает голос робкий,
но, сжатая в безжалостной горсти,
едва жива и жалко шелестит
шмелем усталым в спичечной коробке.
Мотает нить времен веретено,
сплетая все, что приобретено,
в кровавый узел. Мелок, но напорист,

сквозь немоты густое решето
ты вопрошаешь «Почему? За что?!»,
хрипя, как сигматический аорист.
Но смерть в своей основе такова,
что в прах перерабатывать слова
ее прерогатива беспричинна.
И, знаешь, мне привиделось во сне,
что мир лежит, распластанный на дне,
в асфиксии дрожь перед кончиной.

* * *

Так огонь невидимый землю прилежно греет,
что ее в темноте не видно – сделалась чернолица.
Свет мой, зеркальце, ад мой, скажи скорее,
что всего важнее и как ему научиться?
Научись скорей умирания ремеслу,
прочитай, что будет, вслепую, пальчиком огрубелым.
Звук стоит, будто пилят лобзиком по стеклу –
есть ли где рычаг регулировать децибелы?
Если можно что-то списать, то пускай нам спишут
узелки гордыни, наросты зависти, лишние разговоры,
но случаен отбор, как в игре расстановка фишек –
бросил кубик, а он внезапно кувшин Пандоры.
А на нет, то что ж – и спрос с тебя никакой,
написал бы записку своим пояснить, да слова украли,
так беззвучно бежишь по рельсам, трясся башкой,
сам сюжет бродячий, затерянный на вокзале.
Машинист на скорости строит смешные рожи,
пахнет дымом, мускусом и отцовским ремнем из детства,
потерпи, говорят, потерпи угольком по коже,
потерплю, никуда не деться.

Юлия Драбкина родилась в 1977 году в Гомеле (Беларусь). Окончила филологический факультет Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. Автор поэтических сборников «Сквозь вешалку пальто» (М.: Водолей, 2016) и «Времялов» (Израиль: Книга-Сэфер, 2022). Лауреат международного поэтического конкурса «Ветер странствий» (Рим, 2010) и конкурса им. И. Бродского «Критерии свободы» (Санкт-Петербург, 2014). С 2000 года живет в Израиле, преподает английский в школе.

Лорина Дымова

* * *

Сама по себе эта жизнь несказанно приятна...
Вот солнце, вот небо – конечно же, нам повезло!
Но что-то мне шепчет – порою достаточно внятно,
Что жизнь беззащитней, чем ветреной ночью стекло.

А я над мудреным рецептом колдую на кухне,
Чтоб гости гадали, щавель это или ремень,
Хотя за окошком ветрище... то ахнет, то ухнет!
И кто его знает, наступит ли завтрашний день?

* * *

1.
А что судьба?
Нет никакой судьбы.
Есть только дни,
Бегущие гурьбой,
Встающие порою на дыбы.
Они и называются судьбой.

2.

Время мчится в колеснице –
Что за удадь, что за страсть!
Надо только исхитриться
Под колеса не попасть.

Лорина Дымова – поэтесса, прозаик, переводчица. Стихи печатались в «Новом мире», альманахе «День поэзии» и ряде других изданий. Переводчица болгарской поэзии, удостоенная болгарского ордена Кирилла и Мефодия первой степени. Автор полутора десятков книг стихов и прозы. Лауреат премии Союза писателей Израиля и поэтического конкурса памяти Ури Цви Гринберга. С 1992 года живет в Иерусалиме.

Михаил Дынкин

ВТОРЖЕНИЕ

О том, что пришельцы уже здесь,
знают даже школьники,
тем не менее никто
этих загадочных пришельцев не видел.
Говорят, вторжение началось,
но ни жертв, ни разрушений мы не наблюдаем.
Таковы гибридные войны, – объясняют нам, –
очевидно, враг затаился.
Чувствуем ли мы какие-то перемены?
Нет, никаких перемен мы не чувствуем.
Люди по-прежнему ходят на работу,
влюбляются, портят друг другу жизнь.
Иногда над столичными городами
пролетают исполинские восьмигранники.
Может быть, это и правда инопланетяне,
но что-то мы сомневаемся.
Чуть не забыли упомянуть о сороках:
сороки теперь изумрудные, певчие,
величиной с добермана.
К чему бы это?

Мы сидим за письменным столом, вздыхаем.
Очень неудобно держать в щупальцах ручку,
но все компьютеры вышли из строя.
Неудобно также курить, играть в мяч,
обнимать партнеров.
Ничего страшного, мы над этим работаем.
Мы справимся.

* * *

После первой войны неизменно приходит вторая.
До чего, мать-земля, ты холодная, да к тому же еще и сырая;
до чего ты слепа и прожорлива, Родина-мать!
Дождь идет всю неделю, соседи разжились каноз.
А трамвайные хамы пинают тщедушного Ноя
и грозятся ковчег разломать.

– После нас хоть потоп!
– Так уже превращаются в топи
города и деревни. Остались окольные тропы,
только проку в них мало, ведь некуда больше бежать.

– Ничего, – говорят деревенские и горожане, –
если все мы умрем, наши бабы других нарожают.
– Если все вы умрете, от кого они будут рожать? –
мутит воду предатель. Народ возмущается, злится.
После долгих побоев раскается гад, извинится
и получит повестку, и снова получит в табло.
А вода прибывает, мешается с кровью и водкой.
Новобранцы хохочут, в дырявые прыгают лодки
и плывут воевать за Любовь, Красоту и Добро.

Михаил Дынкин родился в 1966 году в Ленинграде. С 1990 года проживает в Израиле. Автор семи поэтических книг. Лауреат специальной студенческой премии Российского государственного гуманитарного университета за книгу «Метроном». Публикации в «Знамени», «Зарубежных записках», «Волге» и других журналах.

Гали-Дана Зингер

* * *

Город, которого больше нет.
Кварталы, которые можно пересечь сотней способов,
не обозначенных на карте.
Капиллярная сеть проулков. Петрушка и мята в жестянках от оливкового масла.
Унитазы как часть садово-паркового дизайна в каждом дворе.
Стакан с недопитым кофе в ящике с розмарином.
Половинка субботней халы на низкой ограде.
Мелкий бумажный мусор под ногами.
Немаркие стены в пятнах сырости.
Тихие смешные люди в потрепанной одежде.
Громкие грубые голоса других и соек. Сползающие штаны.
Мятые пестрые юбки.
Деревянные ставни, разноцветные стекла,
фанерка вместо разбитой фрамуги.
Стерпится-слюбится, ржавые менчеле и мейделе.
Парочка подростков в позе лотос
сидят на раздолбанном тротуаре.
Красные цилиндры королевской почты.
Почтальон проходит каждое утро.
Выцветшие прекрасные маркизы.
Все хорошо, все хорошо.
Неряшливые круглый год линяющие эвкалипты.
Угрюмые пыльные кипарисы, выпускающие черных дроздов на закате
искореженные сосны, на которых сияют шишки.
Искривленные фигуры.
Знакомые усталые лица деревьев, камней и людей.
Здоровайся на ходу, не задерживайся,
Что слышно? Как здоровье? Иди дальше.
Город, который еще есть, но уже уходит.
Город, которого скоро совсем не станет.
Следи за ним.
Следуй за ним.
Много ли, собственно, изменилось?
Гортанное воркование грязно-розовых горлиц. Розы, сгорающие дотла
при первом хамсине.
Тля на шиповнике. Всегда открытые двери.
В сумерках стрижи, воробьи на рассвете.
Попугаи и майны здесь еще не жили.
Министры ходили по улицам и в магазины.
Ежи и гекконы выходят ночами.
Солнце уже не заглядывает мне в окна.
Запахи лавра, жасмина, мочи и жаровен.
Пота, пыли и питы.

Герани, бензина, лимонов.
Много ли можно запомнить?
На вопросы отвечай всегда «всё в порядке».

Гали-Дана Зингер – поэт, переводчик, фотограф, редактор. Родилась в 1962 году в Ленинграде. Автор восьми книг стихов на русском, четырех на иврите и шести книг поэтических переводов на обоих языках. Стихи публиковались в периодике Израиля, России, Англии, Франции, США, Австралии, Латвии и Украины. Редактор литературных журналов «И.О.» (совместно с Н. Зингером), «Двоеточие» (совместно с И. Малером), «Каракей и Кадикей». Автор ряда визуальных проектов и Манифеста неэклетики (1991 г., совместно с Н. Зингером). С 1988 года живет в Иерусалиме.

Семен Крайтман

* * *

было это давно,
далеко и смутно.
зыбко было, пугливо,
сдуваемо, словно пена.
звезды так появлялись на небе, будто
кто-то дверь открывал подвальную.
дверь скрипела,
и опутывал землю свет из другого царства.
и ложился на землю плат серебристой бязи.
и смолкали все страсти земные и все мытарства...
я ходил тогда неузнанным в Ашкеназе.
я заглядывал в окна,
там жили, варили пищу,
дочерей выдавали замуж, жгли за столом лучину...
странным ходил, от жилища к другому жилищу.
от окна к окну.
от дыма к другому дыму.

* * *

сойти с ума.
не различать пути.
охотиться за дикими стихами.
иль взять бумагу, лезвие и камень
и в кровь макнуть?
нет, все-таки сойти.
сойти, когда
в сухой ночной степи
состав притормозит у поворота,
и в слепоте,
не извлекая опыт,
во все четыре стороны вращи.

* * *

о том, как розовели облака...
в пять двадцать началось —
вода слегка
прокашлялась,
волну готова к песне
приветствующей первые лучи.
медуза трепетала,
краб сучил

клешней по дну.
в пять тридцать все воскресли.
о том, как в слово канула звезда,
как ветер дул, дымилась Украина,
с Востока шли войска Салах ад-Дина,
а с Севера в Треблинку поезда.
а где-то между, скрюченный еврей,
напоминавший вяленую рыбу,
шептал, свой мертвый взгляд поднявши к небу:
«хвала тебе безликий “Неубей”,
хвала тебе, мой черноклювый грач»...
о том, как ветер дул, как, ветру вторя,
медуза из себя тянула плач.
но кто услышит плач в открытом море?

Семен Крайтман родился в 1965 году в Одессе. Окончил Уральский политехнический институт. В 1990 году репатрировался в Израиль. Стихи публиковались в журналах «Новый Берег», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Новая Юность», «Иерусалимском журнале» и др. Живет в Герцлии. Работает инженером.

Юрий Фридман-Сарид

ВОИН

Триптих

1.

...мы любили кровь,
над врагами глумились павшими,
раздвигали ноги
их женам, схватив за гривы.
мы творили богов
по образу и подобию нашему,
и поэтому боги
были алчны и похотливы.
а потом, умирая, –
отравленные, зарезанные, –
уходили вглубь
тишины, которая снилась,
где ни ада, ни рая, –
того, о котором грезили, –
трепетанием губ
ощущали Его милость...

2.

Я умею бить – не умею петь. У меня в ладонях застыла медь, у меня в коленях танцует смерть и клокочет война в груди. Я пройду тропой – не качнется лист, я почую дым, если воздух чист, я исчезну тенью, заслышав свист, – не ходи за мной, не ходи. Не пытайся вплавь, не пытайся – влет, побежишь по льду – так уйдешь под лед. Я иду один – это мой поход, не отыщешь моих дорог. Я не знаю, где мне придется лечь, где застынет взгляд и умолкнет речь, но со мною Бог, и со мною – меч...
А останется – только Бог...

3.

...Смертное ложе – только бы не кровать,
только бы видеть небо над головой...
Ночью снится покой – устал воевать, –
значит, скоро предстану перед Тобой.

Значит, снова пора отправляться в путь,
замысел Твой исполнив – от сих до сих.
Дай лишь успеть на ухо Тебе шепнуть:

– Господи мой, – спасибо Тебе, спаси...

Юрий Фридман-Сарид родился в Ленинграде. Автор стихов, стихотворных пародий, публицистики и короткой прозы. По профессии – тренер восточных единоборств. В 1990 году репатрировался в Израиль. Живет в Реховоте (Израиль).

Феликс Чечик

* * *

«Спокойной ночи, малыши»
и тетя Валя
годами нам от всей души
любовь внушали.

Мы полюбили изо всех
и даже больше,
как не любил, быть может, Лех
несчастной Польши.

Как не любил родную топь
Иван Сусанин...
Но что любовь загонит в гроб,
не знали сами.

И мы рыдаем от любви
и от восторга,
по горло в собственной крови,
да и не только.

* * *

Лежать, по сторонам глаза,
в коляске светло-голубой,
затылком чувствуя, что фея
простерла крылья над тобой.

И делать ручкою проходим
и улыбаться им в ответ.
И днем весенним, днем погожим
не лишним будет этот свет.

А то, что набежали тучи
и дождь заморосил опять,
так это даже лучше – лучше
под шум дождя младенцу спать.

Чуть набок съехала панама.
И слышится сквозь сон и гам,
как выговаривает мама
не в меру шумным воробьям.

Феликс Чечик родился в 1961 году в Пинске (Беларусь). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Стажировался в институте славистики Кёльнского университета (проф. В. Казак). Автор пяти поэтических книг. Лауреат «Русской премии» (2011). Стихи печатались в журналах «Знамя», «Арион», «Новая Юность», «Интерпоэзия», «Зарубежные записки» и др. Живет в Натании (Израиль).

Рафаэль Шустерович

* * *

Сначала найди слова, слова, слова,
Потом убери просветы между слов.
Летит над словами сова, сова, сова.
Тучи разъяренных медных сов.

Теперь найди межсловную тесноту,
Куда не проникнет ни мысль, ни взгляд, ни звук,
Ни клюв разъяренной птицы, ни мысль – ту
Тьму, что не сходит не спящему с рук.

Там и укрылся гнев сотворения, там
Зависть к эриниям, совам, ревность зла,
Боль аметиста, хрусталь, недоступный перстам,
Ярость вулканического тепла.

ВАЖНОЕ

В году неведомом, в каменном муравейнике,
случилось важное для русской лирики:
пришли невзрачные, форменные, фракные,
шипром и луком
пахнущие, обученные
практическим наукам,
что-то искали, как сказано – важное.
Ушли, увели... А вот еще дело – скандальное, бражное,
для русской лирики необходимое,
из чьей-то памяти невыводимое,
оно случилось, случилось, случилось.
А то – мчалась бричка, луна сочилась,
и кто-то примету под нос пробуркивал.
Или Шиллером протапливал конурку.
И что еще важное припомнить?
Вот: закинув голову.
Что-то тихо клокотало в горле.
закинув голову
голову закинув

Рафаэль Шустерович родился под Москвой, до 1993 года жил в Саратове, сейчас в Израиле. Стихотворения и стихотворные переводы публиковались в «Иерусалимском журнале», «Волге», «Крещатике», «Зарубежных записках», «Интерпоэзии» и других изданиях.

НОВЫЕ ГОЛОСА

Евгения Вежлян

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ИУДЕЙСКОЙ ПУСТЫНЕ

*

Я больше не верю в литературу
В неживой пластик слов на русском языке
Их пишут обреченные быть мертвыми люди,
У которых не сохранилось легитимных воспоминаний
Нет права на счастье и любовь
Гораздо полезнее деревья:
Стоят, шелестят себе, шепчут друг другу слова,
Шевелят кронами.
Скоро этот шелест листвы научатся переводить в речь,
Прекрасную в своей возвышенной
Бессмыслице
Это квинтэссенция счастья, чтоб вы знали.
А передавать соль можно на любом из человеческих наречий
Или вовсе молча.
Или прислонить долото к жестяной заслонке
А потом отколоть кусочек, потом еще один – и сломать.
И новую поставить.
В сущности, простые бытовые действия безразличны к фонетическому наполнению речи.
Мы должны стать деревьями и произрасти
Мы должны засохнуть и рассыпаться в труху.
Мы должны прогореть как следует.
Чтобы мальчик бросил в костер что-нибудь съедобное, содержащее вирусы чумы,
Тушку животного, пойманного в пустыне.
И тогда наша задача будет уничтожить вирус.
Сжечь его к чертовой матери,
В последнем усилии воли.
И исчезнуть.
Перестать быть.

*

Страшно не это, страшно вот то.
Страшно продета культя в пальто.
Страшно высовывается из рукава.
Так распаковываются слова.
И превращаются в нудный звук
Сходят изделия из-под рук.
Это конвейер. Машинный ряд.
Так человек на мушиный взгляд
Есть бесконечность и сгусток тьмы.

Так пропадаем в пространстве мы,
Словно узлы растворяемся –
Речь остается. Но нет, не вся.

Евгения Вежлян – поэт, филолог, литературный критик. Окончила филологический факультет Московского педагогического госуниверситета. Автор статей и рецензий в журналах «Новый мир», НЛО, «Знамя» и др. Стихи публиковались в журналах «Крестьянин», «Арион», «Новый мир», «Волга» и ряде других изданий. Лауреат специального диплома поэтической премии Anthologia по итогам 2007 года за статьи и рецензии в литературной периодике. Лауреат малой премии «Московский счет» (2020). В 2022 году переехала в Израиль, живет в городе Маале-Адумим под Иерусалимом.

Геннадий Каневский

* * *

и пускай это всё
ролевые модели

прокатить бы тебя
морячок из марсея
вон на той канатке
до той вершины
где и в полдень и в полночь
гуляет ветер
только в полдень горячий
а ночью обычный
и встречаясь вечером
церемонно
приподнимают
свои картузы

затащить бы тебя
медсестричка в платье
на качели эти
и карусели
и потом в музей
чтобы ты дивилась
на корабль финикийский
открытый в дюнах
и сказала быть
не хочу медсестрою
вновь давай играть
в моряка из марсея

я устал во сне
с тобой обниматься
за четыре тысячи
километров

где летают сначала
ракеты эти
после бомбы те
и тупые дроны

и не знают петь
по ночам тувима
по утрам галчиньского
днем шимборску

«отведи меня
в этот сад зеленый»
«отведи меня
в этот сад зеленый»

вот какое
радостное прощанье
колыбельная песенка
в соль мажоре

* * *

возьми нас туда, где ничего не болит:
в прошедшее время, несовершенный вид,
где ходят сейнеры из устья, что ли, дрины,
где дни весенние с летними сплетены.

где всё вы врете, учи вас иль не учи.
где на повороте в кармане звенят ключи:
первый от славы, второй забыл от чего,
третий – от правого предсердия твоего.

я не хирург и дальше не проникал.
дверцу наружную бережно отмыкал.
удивлялся как солнечно в самом начале дня.
ревновал что кто-то здесь побывал до меня.

включи же камеру, затемнение и задний ход,
маши руками, ломай каблуками лед,
прячься за шторами, ладони прижав к груди,
сделай хоть что-нибудь, только не уходи.

эти приемы я готов повторять стократ:
платья, шиньоны, стрекочущий аппарат,
пальчики, лучики, и в закатном огне
крутится, крутится вентилятор в твоём окне.

* * *

алисе р.

воздух, плывущий по волнам спин,
как никогда горяч.
пляж сериала. сезон один.
таня роняет мяч.
мяч покидает совместный чат
отдыха и войны.

«нет! мы теряем его!» – кричат
танины друганы.

мяч, ты свободен. беги отсель
наперекор волне.
прямо по курсу блестит марсель
в новой, чужой стране.
кто-то шипит про тебя «мудак».
где-то земля горит.
ты не утонешь, поскольку так
агния говорит.

Геннадий Каневский – поэт, эссеист, литобозреватель. Родился в 1965 году в Москве. Автор девяти поэтических книг, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве и Нью-Йорке. Лауреат премии «Московский наблюдатель», премии журнала «Октябрь», двух специальных премий «Московский счет». Работает помощником библиотекаря, редактором контента сайта по полупроводникам, редактором поэтического раздела журнала «Новый Берег». Соредактор поэтического раздела сетевого журнала «Формаслов». С мая 2022 года живет в Израиле.

Дмитрий Коломенский

* * *

Мы прожили второе лето
В незамерзающей стране,
Где иглы ультрафиолета
Мне выжгли имя на спине,

Где рощи блеклы и живучи –
Приземистые племена,
Где с моря напалзает туча,
Грозой соленую полна.

Крикливый днем и вязкий к ночи,
Наш мир бескрыл, наш мир пернат.
Он обморочен, он бормочет,
А что бормочет – не понять.

Вершина духа, мгла клоаки,
Разумник, съехавший с ума,
Он сеятель, он сеет знаки
Сухого, как песок, письма.

Он, словно линия сквозная,
Соединяет дни и дни.
А есть ли мир другой? Не знаю.
Уже не знаю – извини.

Снега, метели, влажный ветер
На оттепельном рубеже...
Я как-то даже не заметил:
Все это отошло уже,

Засахарилось, стало сладким.
Гляжу в него – не узнаю.
Лишь речь родная мертвой хваткой
Вцепилась в голову мою.

Она и радость, и тоска, и
Живая вешняя вода –
И держит, и не отпускает,
И не отпустит никогда –

Раздерганная, человечья,
Текущая нипочему.
И я сигналю этой речью
В безмолвную сплошную тьму.

Мы прожили второе лето,
И сколько проживем еще
В координатах тьмы и света,
Дождя и солнца, рук и щек?

Жара стекает с гор полого –
Не к сроку поданная месть.
И жжет мне спину имя Бога.
Я не могу его прочесть.

* * *

– Все-таки ты виноват, – говорит Игал. –
Если бы ты из России не убежал,
Если б с другими такими же беглецами
Встал во весь рост, не позволил, сказал «не смей!»,
Остановил чуму, опрокинул смерть...
Ты же сбежал – разбирайтесь, мол, братцы, сами.

– Ты виноват, – говорит Антон, – потому,
Что предпочел отечеству своему
Тихую гавань вдали от родного края.
Кровь, безысходность, попранные права?
Если война, то отчизна всегда права!
Родина – мать. Ее, знаешь, не выбирают!

– Ты виноват, как и весь человеческий род, –
Так говорит Господь – а Господь не врет, –
Местный пророк наливается соком гнева. –
Все мы позор и прах! Первородный грех
Без исключенья равно лежит на всех!
В каждом смердит Адам и гноится Ева!

Волк ухмыляется:

– Ты виноват уж тем,
Что замутил источник, был вне систем,
Выбыл без разрешенья за контур круга.
Думал, соскочишь? Добро пожаловать в ад!
Герцен заходит.

– Кто, – спрашивает, – виноват?
Люди безмолвствуют. Я поднимаю руку.

Дмитрий Коломенский родился в 1972 году в Гатчине (Ленинградская область). Окончил факультет филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Автор четырех поэтических книг. В 2022 году уехал из России, в настоящее время проживает в Израиле.

Евгений Никитин

* * *

Вот и настал конец времен.
Ведь ты же этого хотела?
На снимке только мы вдвоем:
я без души, а ты без тела.

Обоев желтых лоскуты,
в горшке цветочном – столбик пепла.
Дома и улицы пусты.
А ты сгустилась и окрепла.

* * *

Он сидит в обшарпанной коляске
в синей майке и ковидной маске.
Соль в костях скопилась у него.
Он не замечает ничего.

Но и я давно ни своего,
ни чужого не услышу горя.
Только колокол и шепот моря.
Колокол отчетливей всего.

* * *

Смотрим на волны, на круги,
расползающиеся от камня, на чаты,
расплывающиеся от слов, на ветки
раздувшиеся, как пальцы отцов, на ветки
комментариев, стекающих с волчьих сосцов,
на участников круглых столов, круглых ослов,
на капли дождя, ракеты и снова капли,
первый в этом году. плюх-плюх.

Евгений Никитин – поэт, прозаик, переводчик, критик, AI-художник. Родился в Рышканах (Молдова). Окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Воздух», «Зеркало» и др. Был одним из координаторов поэтического проекта в рамках 53-й Венецианской биеннале искусств (2009). Автор четырех книг стихов и двух сборников рассказов. Живет в Ришон-Ле-Ционе (Израиль).

Публикацию подготовила Лилия Газизова